Багаутдинова Г. Г. Автор в очерке И. А. Гончарова «Пепиньерка» / Г. Г. Багаутдинова // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 242—254. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-242-254.

Bagautdinova, G. G. (2020). Author in Essay by I. A. Goncharov “Pepiniere”. *Nauchnyi dialog*, 5: 242-254. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-242-254. (In Russ.).

УДК 821.161.1Гончаров.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-242-254

АВТОР В ОЧЕРКЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ПЕПИНЬЕРКА»

© Багаутдинова Гульзада Гадульяновна (2020), orcid.org/0000-0003-1709-1087, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Марийский государственный университет» (Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Россия), gbagautdinova@yandex.ru.

Рассматриваются особенности воплощения авторской позиции в очерке И. А. Гончарова «Пепиньерка». Актуальность исследования обусловлена малоизученностью поэтики этого произведения. Выполнен обзор научной литературы по соответствующей тематике. Приводятся методологические и теоретические определения. Научная новизна статьи видится в том, что впервые уделяется внимание художественным приемам, позволяющим выявить авторскую позицию в указанном художественном тексте. Автор статьи исходит из того, что, несмотря на доминирование субъективной точки зрения, в произведении выделяются и точки зрения других персонажей. В ходе исследования делается вывод о том, что в тексте произведения присутствуют биографический автор и автор-творец. Установлено, что позиция автора-творца выражается через заглавие, эпиграфы, которые являются цитатами, а также через разные точки зрения, включая автора-персонажа, автора-повествователя, героев произведения. Автор статьи подробно останавливается на разных способах выражения точек зрения автора-персонажа и автора-повествователя. Доказано, что точки зрения автора-персонажа и автора-повествователя могут пересекаться, происходит их взаимозамещение. В статье представлена авторская разработка термина *комическая «точка зрения»*.

Ключевые слова: И. А. Гончаров; пепиньерка; автор биографический; автор-творец; автор-персонаж; автор-повествователь; авторская позиция; точка зрения; ритм.

1. Введение

И. А. Гончаров проявил мастерство и изящество писателя не только на уровне создания художественности своих произведений, но и в их хронологически-жанровом «распределении», начав работать в малой и средней эпической формах, затем в середине творческого пути пришел к романному жанру и в завершение, словно композиционно закольцевав творческий путь, снова вернулся к малым и средним жанровым эпическим формам.

Цель статьи состоит в выявлении специфики категории автора в произведении, написанном в ранний период творчества писателя, — «Пепиньерке» (1842). Традиционно, вслед за комментаторами первого тома академического издания полного собрания сочинения и писем И. А. Гончарова, жанрово обозначается как «очерк» [Гончаров, 1997, с. 813]. В своей статье условно, на данном этапе исследования, так же будем обозначать жанр этой книги.

Существуют отдельные научные работы, анализирующие особенности выражения авторской позиции в романах И. А. Гончарова [Фаворин, 1950; Табориская, 1972; Маркович, 1982; Мухамидинова, 1990; Фаустов, 1993; Казакова, 2017], во «Фрегате “Паллада”» [Максимов, 1990; Отрадин, 2013]. Отметим, что, несмотря на неугасающий научный интерес к малой прозе И. А. Гончарова [Гродецкая, 2016], по сей день нет специальных исследований, посвященных категории автора в «Пепиньерке» И. А. Гончарова, чем и определяется научная новизна данной статьи.

2. Терминология и методология

В своей работе мы исходим из того, что категория автора включает в себя два аспекта: биографический (автор как писатель является реальным лицом, существующим в жизни, имеющим свою биографию) и эстетический, художественный (автор, воплощенный в недокументальном произведении, обозначающий свою позицию через формально-содержательные уровни текста).

Категория автора трактуется с опорой на теоретические концепции М. М. Бахтина [Бахтин, 1979], Б. О. Кормана [Корман, 1992], полагавших, что выражением позиции автора является все произведение. Его точка зрения является всеобъемлющей, включающей в себя точки зрения всех персонажей и пр. В «Пепиньерке» автор воплощается как автор биографический — писатель И. А. Гончаров, а также как автор-творец, создатель художественного мира (автор-персонаж, автор-повествователь).

3. Автор биографический

Литературоведы в ходе текстологических изысканий пришли к выводу о том, что «Пепиньерка» имеет автобиографическую основу, так как написана под влиянием знакомства И. А. Гончарова с воспитанницами институтов благородных девиц, личных посещений в присутственные дни этих закрытых учебных заведений, а также на основе устных воспоминаний своих приятелей [Гончаров, с. 811—814]. Таким образом, сюжет, имеющий документальную основу (фабулу), соотносится с личными переживаниями

И. А. Гончарова. Отчасти автор биографический в этом произведении проявляется в авторе-персонаже.

4. Автор-персонаж

Автор выступает в очерке «Пепиньерка» для читателя в качестве персонажа, но лишь для читателя, а для пепиньерок он незрим. Эту позицию автор выражает через прямое слово: *...и я, непрощенный наблюдатель, удаляюсь из святилища, куда, посредством воображения, прокрался...* [Гончаров, с. 518]. С одной стороны, создается иллюзия присутствия автора (*непрощенный наблюдатель, прокрался*), с другой — он заявляет о своей «внеаходимости» (термин М. М. Бахтина), поскольку *прокрался*, но всего лишь *посредством воображения*.

«Точка зрения» автора, не удаленная в пространстве и во времени от жилища пепиньерок, позволяет также прийти к выводу о том, что автор находится в позиции наблюдателя, находящегося очень близко к главным героиням. «Точка зрения» в плане пространственно-временной характеристики означает то, что «в определенных случаях точка зрения повествователя может быть как-то — с большей или меньшей определенностью — фиксирована в пространстве или во времени» [Успенский, 2000, с. 100].

В позиции наблюдателя, максимально приближенного в пространстве к пепиньеркам, автор-персонаж проявляется в ритмизованном [Багаутдинова, 2016] описании сна пепиньерок: *Вон уж т-lle **Пози** очень мило всхрапнула раза два; т-lle **Ах** чмокает губками...* [Гончаров, с. 518]. Автор-персонаж находится на достаточно близком расстоянии от пепиньерок, что проявляется и в детализации: *Кто-то одна страстно и жарко разметалась по постели. Покровы сброшены почти совсем на пол, ручка свесилась... дыхание ее горячо... она по временам лепечет невнятные слова или крепко сжимает губки* [Там же]. Основной ритм создается перечислением простых предложений в составе сложного, соотносящихся по принципу: подлежащее (выражено именем существительным) + сказуемое (глагол).

Временная позиция автора-персонажа фиксирована — это ночь, а пространственно она закреплена в дортуаре пепиньерок. Рассмотрим фрагмент, описывающий чтение некой пепиньерки. Автор-персонаж замечает все подробности действий своей любимой героини и описывает их при помощи ритма, созданного грамматической конструкцией (однородные сказуемые + однородные дополнения / обстоятельства): *пепиньерка встает потихоньку /, надевает чулки /, зажигает огарочек /, идет к столику, в секретный ящик* [Там же].

Описание не абстрактное — оно не могло бы принадлежать автору, находящемуся во вневременной позиции: *Как быстро бегают по строкам ее глазки! как живо отражается в них каждое впечатление!* [Там же]. Портрет пепиньерки во время чтения подробен, конкретизирован яркими деталями: автор-персонаж замечает, что пепиньерка *приподнялась с подушки, оперлась на локоток, щечки разгорелись, с бело-бархатного плеча мало-помалу спустилась сорочка; один пальчик на ножке высунулся из-под одеяла и рисует что-то в воздухе* [Там же]. Автор-персонаж словно бы видит ее, рассматривая, любит ее.

Автор-персонаж осознает деликатность пространственной зоны и времени суток, которые он описывает, — эта мысль выражена вводным предложением: *Лампы гаснут в коридорах одна за другою. Наконец все погрузилось в сон. Пепиньерки ложатся. (Боже! о чем пишу!)* [Гончаров, с. 518]. Близкая дистанция автора-персонажа сопряжена с позицией, удаленной во времени, в которой пребывает уже автор-повествователь.

5. Автор-повествователь

Автор-повествователь весьма явно обозначает свое присутствие в тексте уже в первом же предложении произведения, употребляя словоформу местоимения **я**: *Если всякое дельное и полезное сочинение, к числу которых относится и сочинение о пепиньерке, должно начинаться определением предмета, то нельзя и мне избежать этого всеобщего порядка* (здесь и далее выделено мной. — Г. Б.) [Гончаров, с. 514.]. Он признается в любви к пепиньерке: ... *уж я очень люблю пепиньерку* [Там же, с. 515].

Автор-повествователь не скрывает своей симпатии к ней, используя прием антитезы: *Когда при мне заговoryт о девушке, живущей в свете, в своей семье, или назовут ее имя, (...) я еще сохраняю свое хладнокровие... Но едва произнесут слово «пепиньерки», я вдруг встрепенусь, и у меня как будто кольнет в левом боку* [Гончаров, с. 520]. Ритмические повторы однородных сказуемых (*заговoryт / назовут / произнесет / кольнет*), лексические повторы предлога **в**, многочисленные аллитерации [в], [св], [м], [н], [л], [к], [р] и ассонансы [е], [а], [у], [о] усиливают и подчеркивают восторженную эмоцию автора-повествователя.

Восхищение костюмом и всем обликом пепиньерки автор-повествователь выражает при помощи гиперболы: *как бы то ни было, но я готов одеть и небо и землю в серое платье и белую пелеринку* [Там же].

Автор-повествователь не скрывает своих эмоций: *не знаю почему, но мне кажется изящным этот простой костюм* [Там же], *замечательнейшая между ними — чтение запрещенных в заведении книг* [Там же, с. 517].

Употребляется антитеза: он осознает, что костюм *прост*, но кажется *изящным*, а некоторые книги пепиньеркам читать запрещается, но *замечательно*, что они их читают.

Свой восторг перед костюмом пепиньерки автор-повествователь выражает цитатой: *Отныне моею вечною песнию будет: «Серый цвет, дикий цвет! Ты мне мил навсегда — и т. д.* [Гончаров, с. 514]. Согласно академическому комментарию к «Пепиньерке», эти слова представляют собой перифраз первых строк из популярного романа «Черный цвет» [Там же, с. 816].

Автор-повествователь самоироничен. Под иронией понимается «эстетическая категория, в которой смешное скрывается под маской серьезности с преобладанием отрицательного (насмешливого) отношения к предмету» [ЛЭС, с. 162—163]. Автоирония создается при помощи пояснения-каламбура: *Природа заодно со мной. Она как будто нарочно, для прославления дикого цвета, дала мне и голос дикий* [Там же, с. 515]. Причем возникает двойной каламбур: эта фраза коррелирует с фразой-цитатой о *диком* цвете. Кроме того, создается лексическая эпифора: *...серый цвет, дикий цвет! <...> для прославления дикого цвета, <...> голос дикий*, — переходящая в тавтологическую рифму.

Весьма частотным художественным приемом, который использует автор-повествователь при воспроизведении особенностей образа жизни и занятий пепиньерок, является отрицание: *Недевицы могут быть классными дамами, инспектрисами, директрисами, привратницами, но пепиньерками — ни-ни!* [Там же, с. 514]; *может быть, есть на свете пепиньерки и других цветов, но я их знать не хочу* [Там же]. Или: *Обязанности пепиньерки многообразны. Главнейшая из них — не обожать — нет! Это дело не девиц, а девочек* [Там же, с. 516]; *прочие обязанности пепиньерки не так уже важны* [Там же, с. 517].

Подобные примеры можно умножить: *Пепиньерка, не читавшая романов, — редкость. Чем же ей отличиться от девиц высшего класса, как не чтением романов, которых там вовсе нельзя иметь* [Там же]. Несмотря на употребление отрицательных частиц *не, нет, ни-ни*, контекстуально они несут утвердительный смысл, что усиливает также антитеза. Автор-повествователь оправдывает, защищает своих любимиц, противопоставляя их *классным дамам; девицам высшего класса; девочкам*.

Доминирующим художественным средством, обозначающим позицию автора-повествователя, является также риторический вопрос: *...чем же тут закапаться?* [Там же, с. 515]; *...сколько бы капель должно быть пролито на платье? А на ней едва-едва увидишь два-три пятнышка. Не есть*

ли это доказательство ее опрятности? [Там же, с. 516]; *что же бы стала делать пепиньерка, не будучи участницей дружеских тайн?* [Там же]; *а с кем посоветуется пепиньерка? с подругами? <...> с классной дамой?* [Там же, с. 522]. Встречаются и риторические восклицания: *Та-та-та-та! Боже сохрани!* [Там же].

Правильность и непрерываемость своей позиции автор-повествователь подчеркивает грамматическими конструкциями, означающими утверждение, вывод: *...очень понятно почему* [Там же, с. 515]; *из этого можно заключить...* [Там же, с. 517], *все это показывает..., выше следовало упомянуть..., да оно и нужно для того, чтоб, в случае недостатка настоящей любви, сочинить себе последнюю* [Там же];

Позиция автора-повествователя выражается при помощи вводных слов: *...для практики на всякий случай или для забавы; наконец* [Там же]; обращений: *Силы Небесные! Помогите дописать!* [Там же, с. 519].

Автор-повествователь вступает в своеобразную игру с читателем: то он однозначно пишет о своей любви к пепиньерке, то создает интригу, воспроизводя некое «чужое слово», а затем свое, слово автора-повествователя: *«Влюблен! — скажут мне, — вот и все!» Может быть, может быть: я не говорю «нет»; не говорю, однако ж, и «да»* [Там же, с. 520].

Речь автора-повествователя не всегда монологична, она предполагает диалог, который подразумевает обращение к читателю. Автор-повествователь обращается к читателю, чтобы тот уверился в очаровании пепиньерок: *видите ли, сколько ей нужно чернил; ...теперь положите хоть по капельке...* [Там же, с. 516].

Кроме того, несобственно-прямая речь выражает и «точку зрения» героинь-пепиньерок, и «точку зрения» автора-повествователя: *Но пепиньерка не любит этих шумных развлечений. Она предпочитает им свои мирные занятия* [Там же, с. 517]. Несобственно-прямая речь передается в форме предложения, построенного как «риторический вопрос — ответ»: *Спросят — что может писать пепиньерка? Многое* [Там же, с. 515].

Писатель использует усложненные синтаксические конструкции, которые одновременно содержат прямо выраженное слово автора, «чужую речь» пепиньерки и несобственно-прямую речь: *Поверить инспектрисе! — сказали бы мне пепиньерки, — каково это! Вот еще что выдумали! Она, конечно, ангел, но...* [Там же, с. 522]. «Точка зрения» автора-повествователя и «точка зрения» пепиньерок может соединяться в пределах небольшого контекста.

Эмоции, которые испытывает пепиньерка к предмету обожания, воспроизводит автор-повествователь: *Она редко может скрыть охлаждение*

к своему предмету, так же как не может скрыть и любви... [Там же, с. 516]. «Точка зрения» пепиньерок, направленная на их предмет обожания, передается автором-повествователем через несобственно-прямую речь, которая обозначается и графически — курсивом: «...и называет его, пока любит, — разумеется, про себя и между подруг — *душкой*, а когда разлюбит — то иногда величает и *противным*...» [Там же]. Позиция автора-повествователя выражена при помощи вводного предложения (*разумеется, про себя и между подруг*), а также предложения-пояснения (*чего по светским уставам делать никак не следует*) [Там же].

Автор воспроизводит и прямую речь пепиньерки: *Улучит свободную минутку и бежит в комнату, садится за фортепиано и напевает: «Я не скажу, я не открою, в чем тайна вечная моя!» — или что-нибудь подобное* [Там же, с. 517].

6. Автор-персонаж и автор-повествователь

Случается, что позиция автора-персонажа и автора-повествователя контекстуально пересекаются в пределах соседних предложений. Например, во время описания пожара в спальню пепиньерок пространственно-временная «точка зрения» автора-персонажа (*три девицы вскочили в суматохе с постели как есть и задувают свечку...*) переходит в позицию автора-повествователя, выраженную при помощи так называемого лирического отступления: *Живописец! Бери кисть и не ищи другого сюжета <...> что за позы!* [Там же].

Затем появляется идеологическая «точка зрения» — уровень, «который условно можно обозначить как *идеологический* или *оценочный*, понимая под «оценкой» общую систему идейного мировосприятия» [Успенский, 2000, с. 22]: *Две стоят рядом, одна оперишь рукою на плечо другой, и дуют мерно, обе враз; третья — напротив их и дует торопливо, беспрестанно наклоняя голову* [Гончаров, с. 519]. Антитетический параллелизм (соответствующий термин образован по аналогии с *синтаксическим параллелизмом* В. М. Жирмунского) придает ритм предложению. Создается антонимиями, обозначающими противоположные топосы (*стоят рядом / напротив их*), количественные единицы (*две / третья*), характеристики дыхания (*дуют мерно, враз / торопливо*), движения (*стоят рядом, одна оперишь рукою на плечо другой / третья, беспрестанно наклоняя голову*).

В следующем предложении снова возникает авторское отступление и, следовательно, проявляется позиция автора-повествователя: *Что за прелесть! Не три ли это грации? Я уверен, что между ними невидимо присутствует Амур* [Там же].

Одновременно с доминированием какой-либо одной «точки зрения» в том или ином фрагменте «Пепиньерки» И. А. Гончарова обнаруживается сосуществование множества других «точек зрения», которые позволяют как отграничить позицию автора-персонажа от позиции автора-повествователя, так и объединить их в некое целое (в категорию «автор-творец»), то есть автор-персонаж одновременно выступает и в функции автора-повествователя.

Рассмотрим эпизод, в котором описывается ужин пепиньерок. В этом фрагменте соединяются несколько «точек зрения» автора. Фиксируется пространство и время: *Вот наступает вечер. <...> Пепиньерки приходят с дежурства и ужинают <...> между тем вечер все подвигается вперед* [Гончаров, с. 516].

Наряду с пространственно-временной «точкой зрения» в этом фрагменте сосуществует и «точка зрения» в плане идеологии, а также «точка зрения» в плане фразеологии: «автор описывает разных героев различным языком или вообще использует в том или ином виде элементы чужой или замещенной речи при описании» [Успенский, 2000, с. 100].

Автор-повествователь восхищается трапезой пепиньерок, используя эпитеты: *...милая трапеза этих мудрых дев..., ...природа снабдила прекрасными, маленькими и тоненькими пальчиками....* Дополнительную коннотацию создают не только уменьшительно-ласкательные суффиксы, но и риторические восклицания: *Как привлекательна их простая трапеза!*; а также риторические вопросы: *Да на что скатерть, салфетка, когда казна дает коленкоровый рукав?* [Гончаров, с. 517].

Используется сравнение: *Она напоминает мне вечернюю трапезу студенческих годов..., —* а также антитеза: *Одну только неверность и нахожусь в сравнении с студенческой трапезой — недостаток бутылок* [Там же]. Наряду с терминологией, введенной в научный оборот Б. А. Успенским, мы используем понятие комической «точки зрения» [Багаутдинова, 2015, с. 193]. Комизм создается столкновением прозаического, грубого (*недостаток бутылок*) и возвышенного (типаж пепиньерки; восхищение ею автором-повествователем и автором-персонажем; ее разговорами о любви). Способы выражения комического в художественном мире И. А. Гончарова многообразны [Багаутдинова, 2013].

Описывая ужин, автор-повествователь воспроизводит работу как своего сознания, так и чужого: *Не так ли думал Диоген? а ведь он был мудрец* [Гончаров, с. 517]. Мнение Диогена передается при помощи несобственно-прямой речи, а свою позицию автор-повествователь выражает, соглашаясь с ним.

7. Автор-творец

Рамочный текст, обрамляющий основной текст очерка И. А. Гончарова «Пепиньерка» (1842), помимо других компонентов, включает в себя два эпиграфа. Первый эпиграф представляет собой цитату: *Я это потому пишу, что уж давно я не грешу*, подписанную: «Пушкин» [Гончаров, с. 514]. Эта цитата взята из строфы XXIX первой главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина [Пушкин, с. 22]. Она представляет собой высказывание, выражающее точку зрения автора. Таким образом, возникает двойная интенция (термин *интенция* принадлежит М. М. Бахтину): пушкинская и гончаровская. Образ автора, созданный А. С. Пушкиным в «Евгении Онегине», соотносится с образом автора, созданным И. А. Гончаровым в «Пепиньерке».

Второй эпиграф также цитатен: «*Ах, какой душка!*» «*Ах, какой противный!*» — *Каково! вот какого вы обо мне мнения!* Эти слова взяты, если верить авторскому пояснению, из некоего «Дневника пепиньерки» [Гончаров, с. 531]. Таким образом, эта цитата представляет собой двойное высказывание: первое, заковыченное, выражает «точку зрения» пепиньерки (*душка, противный*) в отношении автора-персонажа; второе предложение отражает мнение автора-повествователя (*Каково! вот какого вы обо мне мнения!*) и автора-персонажа, который некогда был знаком с пепиньерками и очарован ими.

К такому выводу позволяет прийти концовка «Пепиньерки», представляющая собой ретроспективное высказывание автора-повествователя, соотносящееся по принципу синтаксического параллелизма: *Что скажут, прочтя все это, пепиньерки? Что скажут блаженные? а?* [Гончаров, с. 531]. Синтаксический параллелизм образуется вопросительными предложениями, построенными по типу: местоимение «что» + сказуемое *скажут* + подлежащее. Ритм усиливается анафорическим повтором *что*, лексическим повтором *скажут*. Далее следует реплика-ответ автора-повествователя *я знаю* и высказывание пепиньерок: *Каково это! — скажут пепиньерки, — какого он об нас мнения! о противный* [Там же]. Это высказывание и второй эпиграф соотносятся друг с другом по типу кольцевой композиции.

8. Заключение

Таким образом, в «Пепиньерке» И. А. Гончарова автор-творец объединяет в себе точки зрения автора-персонажа и автора-повествователя. Автор биографический остается за рамками художественного произведения, если речь идет о И. А. Гончарове-человеке и о И. А. Гончарове-писателе, однако существование автора-персонажа было бы невозможно, если бы

текст не имел автобиографической основы. Поскольку текст имеет автобиографическую основу, то иногда позиции автора-персонажа и автора-повествователя совмещаются. Однако автор-творец проявляется не только в субъективном, монологическом самовыражении, а выражает и другое, не прямое слово: цитаты; обращения к читателю; прямая речь пепиньерок; несобственно-прямая речь; усложненные синтаксические конструкции, состоящие из слова автора-повествователя, «чужого слова» пепиньерок, «блаженных»; ирония, ритм. Анализ повествовательных стратегий текста позволит уточнить также и жанр «Пепиньерки».

Источники и принятые сокращения

1. Гончаров — *Гончаров И. А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / И. А. Гончаров. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — Т. 1. — 830 с.
2. ЛЭС — *Литературный энциклопедический словарь* / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. — Москва : Советская энциклопедия, 1987. — 750 с.
3. Пушкин — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 5 / А. С. Пушкин. — Москва : Наука, 1964. — 638 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багаутдинова Г. Г. «Слуги старого века» И. А. Гончарова: поэтика композиции в аспекте «точки зрения» / Г. Г. Багаутдинова // Гончаров после Обломова. Материалы III Международной гончаровской конференции в Санкт-Петербурге. — Санкт-Петербург ; Тверь : Издательство Марины Батасовой, 2015. — С. 191—202.
2. Багаутдинова Г. Г. Способы создания комического в раннем творчестве И. А. Гончарова («Счастливая ошибка», «Пепиньерка») / Г. Г. Багаутдинова // *Studia Slavica Savariensia* 1—2. Nyugat-magyarországi Egyetem Kiado. — Szombathely, 2013. — С. 53—61.
3. Багаутдинова Г. Г. Факторы ритмической прозы в очерке И. А. Гончарова «Пепиньерка» / Г. Г. Багаутдинова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — Тамбов. — 2016. — № 3—2 (57). — С. 12—14.
4. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // *Эстетика словесного творчества*. — Москва : Искусство, 1979. — 424 с.
5. Гродецкая А. Г. Проза И. А. Гончарова: 1830—1860-е (биографика, контекст, поэтика) : диссертация ... доктора филологических наук / А. Г. Гродецкая. — Санкт-Петербург, 2016. — 398 с.
6. Жирмунский В. М. О ритмической прозе / В. М. Жирмунский // *Русская литература*. — 1966. — № 4. — С. 103—115.
7. Казакова С. К. Ирония судьбы и ирония повествования в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история» / С. К. Казакова // Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 205-летию со дня рождения И. А. Гончарова. — Ульяновск : Издательство Корпорация технологий продвижения, 2017. — С. 14—25.
8. Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы / Б. О. Корман. — Ижевск : Издательство Удмуртского университета, 1992. — 236 с.

9. Максимов В. В. Тип повествователя во «Фрегате "Паллада"» И. А. Гончарова (Гл. «От Кронштадта до мыса Лазарда») / В. В. Максимов // Проблемы метода и жанра. — Томск, 1990. — Вып. 16. — С. 111—119.
10. Маркович В. М. «Чужая речь» и взаимодействие речевых манер в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история» / В. М. Маркович // Филологические науки. — 1982. — № 2. — С. 58—66.
11. Мухамидинова Х. М. Формы выражения авторской позиции в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история» / Х. М. Мухамидинова // Реализм: жанр, стиль. Сб. науч. тр. — Фрунзе : КГУ, 1990. — С. 35—46.
12. Отрадин М. В. Между «созерцанием» и «действием»: повествование в книге И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"» / М. В. Отрадин // Гончаров: живая перспектива прозы. Bibliotheca slavica savariensis. — Т. XIII. — Szombathely, 2013. — С. 469—476.
13. Таборисская Е. М. Автор и герой в романе И. А. Гончарова «Обломов» / Е. М. Таборисская // Проблема автора в художественной литературе. Вып. 3. — Воронеж, 1972. — С. 61—75.
14. Успенский Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. — Санкт-Петербург : Азбука, 2000. — 348 с.
15. Фаворин В. К. О взаимодействии авторской речи и речи персонажей в языке трилогии Гончарова / В. К. Фаворин // Известия АН СССР, Серия литература и язык. — 1950. — Т 9, Вып. 5. — С. 351—357.
16. Фаустов А. А. Об одном неявном способе авторского подключения к традиции: «Русалочий» миф в «Обрыве» И. А. Гончарова / А. А. Фаустов // Проблема автора в художественной литературе. Вып. 10. — Ижевск, 1993. — С. 105—113.

AUTHOR IN ESSAY BY I. A. GONCHAROV "PEPINIERE"

© **Gulzada G. Bagautdinova (2020)**, orcid.org/0000-0003-1709-1087, PhD in Philology, associate professor, Russian Language, Literature and Journalism Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Mari State University" (Yoshkar-Ola, Mari El Republic, Russia), gbagautdinova@yandex.ru.

Features of the embodiment of the author's position in the essay by I. A. Goncharov "Pepiniere" are considered. The relevance of the study is due to the poorly studied poetics of this work. A review of the scientific literature on relevant topics is performed. Methodological and theoretical definitions are given. The scientific novelty of the article is in the fact that for the first time attention is paid to artistic techniques that allow to identify the author's position in the specified literary text. The author of the article grounds her opinion from the fact that, despite the dominance of the subjective point of view, other characters' views stand out in the work. It is concluded in the study that the text of the work represents a biographical author and author-creator. It was established that the position of the author-creator is expressed through the title, epigraphs, which are quotes, as well as through different points of view, including the author-character, the author-narrator, the characters of the work. The author of the article dwells in detail on different ways of expressing the points of view of the author-character and the author-narrator. It is proved that the point of view of the author-character and the author-narrator can intersect, they are interchanged. The author's development of the term *comic "point of view"* is presented in the article.

Key words: I. A. Goncharov; pepiniere; biographical author; author-creator; author-character; author-narrator; author's position; point of view; rhythm.

MATERIAL RESOURCES

- Goncharov — Goncharov I. A. (1997). *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem*. Sankt-Peterburg: Nauka. 20/1. (In Russ.).
- LES — Kozhevnikova, V. M., Nikolayeva, P. A. (eds.). (1987). *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
- Pushkin — Pushkin, A. S. (1964). *Polnoye sobraniye sochineniy*. Moskva: Nauka. 10/5 (In Russ.).

REFERENCES

- Bagautdinova, G. G. (2013). Sposoby sozdaniya komicheskogo v rannem tvorchestve I. A. Goncharova («Schastlivaya oshibka», «Pepinyerka»). In: *Studia Slavica Savariensia 1—2. Nyugat-magyarorszagai Egyetem Kiado*. Szombathely. 53—61. (In Russ.).
- Bagautdinova, G. G. (2015). «Slugi starogo veka» I. A. Goncharova: poetika kompozitsii v aspekte «tochki zreniya». In: *Goncharov posle Oblomova. Materialy III Mezhdunarodnoy goncharovskoy konferentsii v Sankt-Peterburge*. Sankt-Peterburg; Tver: Izdatelstvo Mariny Batasovoy. 191—202. (In Russ.).
- Bagautdinova, G. G. (2016). Faktory ritmicheskoy prozy v ocherke I. A. Goncharova «Pepinyerka». *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 3—2 (57): 12—14. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1979). Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moskva: Iskusstvo. (In Russ.).
- Faustov, A. A. (1993). Ob odnom neyavnom sposobe avtorskogo podklyucheniya k traditsii: «Rusalochiy» mif v «Obryve» I. A. Goncharova. In: *Problema avtora v khudozhestvennoy literature*. Izhevsk. 10: 105—113. (In Russ.).
- Favorin, V. K. (1950). O vzaimodeystvii avtorskoy rechi i rechi personazhey v yazyke trilogii Goncharova. *Izvestiya AN SSSR, Seriya literatura i yazyk*, 9 (5): 351—357. (In Russ.).
- Grodetskaya, A. G. (2016). *Proza I. A. Goncharova: 1830—1860-e (biografika, kontekst, poetika): dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk*. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Kazakova, S. K. (2017). Ironiya sud'by i ironiya povestvovaniya v romane I. A. Goncharova «Obyknovennaya istoriya». In: *Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 205-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova*. Uliyanovsk: Izdatelstvo Korporatsiya tekhnologiy prodvizheniya. 14—25. (In Russ.).
- Korman, B. O. (1992). *Izbrannyye trudy po teorii i istorii literatury*. Izhevsk: Izdatelstvo Udmurtskogo universiteta. (In Russ.).
- Maksimov, V. V. (1990). Tip povestvovatelya vo «Fregate “Pallada”» I. A. Goncharova (Gl. 1 «Ot Kronshtadta do mysa Lazarda»). In: *Problemy metoda i zhanra*. Tomsk. 16: 111—119. (In Russ.).
- Markovich, V. M. (1982). «Chuzhaya rech» i vzaimodeystvie rechevykh maner v romane I. A. Goncharova «Obyknovennaya istoriya». *Filologicheskie nauki*, 2: 58—66. (In Russ.).

- Mukhamidinova, Kh. M. (1990). Formy vyrazheniya avtorskoy pozitsii v romane I. A. Goncharova «Obyknovennaya istoriya». In: *Realizm: zhanr, stil*. Frunze: KGU. 35—46. (In Russ.).
- Otradin, M. V. (2013). Mezhdú «sozertsaniyem» i «deystviyem»: povestvovaniye v knige I. A. Goncharova «Fregat “Pallada”». In: *Goncharov: zhivaya perspektiva prozy. Bibliotheca slavica savariensis*. Szombathely, 13: 469—476. (In Russ.).
- Taborisskaya, E. M. (1972). Avtor i geroy v romane I. A. Goncharova «Oblomov». In: *Problema avtora v khudozhestvennoy literature*. Voronezh. 3: 61—75. (In Russ.).
- Uspenskiy, B. A. (2000). *Poetika kompozitsii*. Sankt-Peterburg: Azbuka. (In Russ.).
- Zhirmunskiy, V. M. (1966). O ritmicheskoy proze. *Russkaya literatura*, 4: 103—115. (In Russ.).